

Цзян Сяосань стоял под навесом, плача и вытирая слёзы.

— Всё пропало, старшего брата нет, и Мишки нет, всё пропало, всё пропало.

— Второй брат, я хочу Мишку.

Цзян Сяоэр тоже стоял с покрасневшими глазами, теребя край одежды. Он выглядел растерянным и не знал, что делать. Увидев вернувшегося Цзян Сяои, слёзы, которые он так долго сдерживал, наконец, хлынули.

— Старший брат, ты наконец-то вернулся! Мишка пропал... А! Мишка здесь!

Услышав это, Цзян Сяосань тут же перестал плакать.

Цзян Сяои переоделся. Когда он вышел, братья уже вытирали шерсть Бай Цзыму.

Едва он сел, как Цзян Сяосань забрался к нему на колени.

— Старший брат, почему ты сегодня так долго? Я за тебя волновался.

— Задержался в поисках бамбуковых побегов, — Цзян Сяои погладил его по щеке. — Прости, заставил нашего Сяосаня переживать. Дай старшему брату немного отдохнуть, и я приготовлю вам ужин.

— Мишка уже приготовил нам еду. Мы с младшим братом оставили тебе много. Старший брат, иди скорее ешь, Мишка так вкусно готовит, — Цзян Сяоэр потянул Цзян Сяои на кухню.

Глядя на уже остывшие жареные листья батата, Цзян Сяои повернулся к Бай Цзыму и, успокоив дыхание, сказал:

— Спасибо.

Бай Цзыму махнул лапой, призывая его скорее переодеться и поесть. Было уже почти пять часов.

Цзян Сяои и вправду был голоден. Хотя овощи остыли, они были приготовлены на рапсовом масле, которое в жару не застывало, так что разогреть их не пришлось. Поев, он подумал и решил всё же сварить имбирный суп.

Прошлогодний имбирь ещё не закончился. Боясь, что он испортится, Цзян Сяои закопал его на заднем дворе. Он пошёл откапывать его и, едва достав пару корней, услышал, как его зовут с переднего двора.

— Гэ'эр Цзян, ты дома?

— Дома, — Цзян Сяои вышел с двумя корнями имбиря и с удивлением увидел тётушку Линь из деревни. Их дома находились далеко друг от друга, и они редко общались. Что привело её сюда сегодня?

— Тётушка, что-то случилось? — спросил он.

Тётушка Линь улыбнулась.

— Ничего особенного. Сегодня дождь, на поле не пойдёшь, вот и решила зайти поболтать. — Она огляделась. — А где Сяоэр и Сяосань? Ушли куда-то?

— Нет, в доме играют, — Цзян Сяои позвал детей, велел им помыть имбирь, а сам проводил тётушку Линь в главную комнату и налил ей чашку воды.

Тётушка Линь улыбалась, в уголках её глаз собрались морщинки. Ещё во дворе она всё внимательно осматривала, а теперь, сев, окинула взглядом и комнату, оставшись весьма довольной.

Семья Цзян была бедной, но и двор, и дом были убраны дочи́ста. В деревне, в отличие от города, были земляные дороги и глинобитные дома. От ветра поднималась пыль, и если стол в доме не протирать два-три дня, он покрывался слоем пыли. А здесь стол был таким чистым, что муха, сев на него, наверняка поскользнулась бы.

Тётушка Линь отпила воды и, дождавшись, когда Цзян Сяои сядет напротив, начала разговор:

— Закончили уже сажать бобы?

— Да, закончили. А вы?

— Вчера как раз закончили, — тётушка Линь поставила чашку, её плечи поникли. — Несколько дней трудились, теперь всё болит. Думала отдохнуть, а твой дядя говорит, что зерно на поле пожелтело. Прошлый ливень часть колосьев повалил, боимся, мыши съедят. Сегодня утром пошли жать, да не успели закончить, как снова дождь пошёл.

Сырое зерно обычно сразу после сбора рассыпали для просушки, иначе, оставленное в мешках, оно могло отсыреть, сопреть и прорасти. Цзян Сяои выглянул на улицу.

— Ничего страшного. Ветер сильный, завтра, скорее всего, будет солнечно.

Тётушка Линь тоже так думала. Иначе, если бы дожди затянулись на несколько дней, ей было бы не до визитов — она бы дома от беспокойства стены царапала.

Поговорив немного о полевых работах, тётушка Линь перешла к делу о семье Лю:

— Семья Лю поступила не по-людски. Какой ты человек, в деревне все знают, и я тоже. Ты ведь тогда не выходил замуж, потому что хотел помочь семье, не мог оставить двух младших братьев. Но люди из других деревень этого не поймут. Они слухам верят. Гэ'эр Цзян, ты думал, что будешь делать дальше?

Видя, что Цзян Сяои качает головой и выглядит растерянным, она вздохнула.

— Ты уж не обижайся на мои слова, но тебе скоро двадцать. В таком возрасте и так трудно найти пару, а теперь ещё и это... Боюсь, дальше будет ещё сложнее.

Цзян Сяои это понимал.

Тётушка Линь придвинулась ближе, выглянула на улицу и зашептала:

— Мы, девушки и гэ'эры, рождены, чтобы выходить замуж и рожать детей. Никто не может всю жизнь прожить в родительском доме. Может, ты об этом ещё не думал, считаешь, что и так хорошо. Но о будущем нужно думать, смотреть вперёд.

— Сейчас ты дома, отец не против, братья ещё маленькие и ничего не понимают. А что будет потом? Когда Сяоэр и Сяосань вырастут, женятся... Если жёны попадутся хорошие — ладно. А если мегеры, которые тебя не потерпят? Что тогда будешь делать?

Пальцы Цзян Сяои дрогнули, лицо побледнело.

Тётушка Линь продолжала с видом знатока:

— Если такое случится, не надейся, что братья тебя защитят. Я жизнь прожила и скажу тебе: мужчины либо мать слушают, либо жену. А бессовестные и вовсе, женившись, мать забывают. Раз мать могут забыть, то о братьях и говорить нечего. Я не пугаю тебя, вспомни Ли из нашей деревни.

Цзян Сяои знал эту историю. Старшая дочь семьи Ли в молодости вышла замуж в деревню Шилитунь. Несколько лет назад её мужа забрали на войну, и он не вернулся. Она осталась с дочерью. После его смерти свекровь и деверь, обвинив её в том, что она приносит несчастье, выгнали её из дома.

Вернувшись в родительский дом, она не прожила там и двух месяцев, как её выгнала невестка. Сказала, что места нет, да и семья бедная, лишний рот кормить нечем. Мол, выданная замуж дочь — отрезанный ломоть. Даже в сарае не разрешила ей жить. Её брат, Ли Эргоу, был там, но не заступился.

У старика Ли жена умерла рано, и с шести лет Ли Эргоу растила старшая сестра. Назвать его после этого неблагодарной тварью было бы слишком мягко.

Цзян Сяои, напрягшись, опустил глаза и молчал. Он и сам всё это понимал. И дело было не в том, что он не торопился. Но замужество — это не на рынок за овощами сходить: понравилось — купил. Это дело всей жизни, тут спешить нельзя.

И ещё... Он провёл пальцем по краю чашки. Почему-то, когда речь зашла об этом, он невольно подумал о Бай Цзыму.

Сердце забилося чаще, уши загорелись. В этот момент он услышал продолжение речи тётушки Линь:

— А я вот смотрю, парень из семьи Лу — очень даже неплохой вариант. Хоть он и постарше, и тоже хромает на одну ногу, как твой отец...

Лицо Цзян Сяои мгновенно помрачнело. Тётушка Линь, не заметив этого, продолжала:

— Гэ'эр Цзян, как говорится, не стоит задирать нос, нужно быть реалистом. Семья Лу хоть и беднее семьи Лю, но люди они неплохие. У них девять му засушливой земли и четыре му заливных полей. Если выйдешь за него, будешь ему хорошо служить да трудиться, с голоду не умрёшь.

— Какая у тебя сейчас репутация, ты, я думаю, и сам знаешь. Сейчас тебе подходит только такой, как из семьи Лу.

Цзян Сяои сжал кулаки, но молчал.

Тётушка Линь отпила ещё воды, наклонилась, похлопала Цзян Сяои по руке, словно искренне заботясь о нём:

— Старик Лу и старуха Лу уже в возрасте. Если выйдешь за него, сразу станешь хозяйкой в доме, не придётся, как другим, на свекровь оглядываться. Заработанные деньги не нужно будет ей отдавать. Если упустишь этот шанс, боюсь, лучшего варианта уже не найдёшь. Семья Лу тебя не осуждает, ты должен... Ай! Цзян Ань, ты что творишь?

Отец Цзян, неизвестно когда ворвавшийся в комнату, с яростью хлестал тётушку Линь веником.

— Что я творю? Людей бью, вот что! Вон, вон из моего дома!

Отец Цзян был в ярости. Эта женщина из семьи Линь совсем совесть потеряла. Сватает его гэ'эра за парня из семьи Лу.

Если бы семья Лу была просто бедной, это ещё полбеды, его семья тоже не богата. Но Лу Ютяню было уже за сорок, почти на десять лет старше его самого. К тому же, он был ленив, любил выпить, а напившись, избивал жену. Две его предыдущие жены не выдержали: одна утопилась в реке, другая повесилась.

Сначала в деревне никто ничего не знал. Когда первая жена Лу Ютяня погибла, все думали, что это несчастный случай. Но когда вторая, прожив с ним всего два года, повесилась, люди заподозрили неладное.

Те, кто был близок с жёнами Лу Ютяня, ходил с ними стирать, замечали, что их руки постоянно в синяках, а иногда и на лице были ссадины. Но когда их спрашивали, они, видимо, запуганные Лу Ютянем, не говорили правды, твердя, что сами ушиблись.

Жители деревни не придавали этому значения. Лу Ютянь был худым, невысоким, ростом около метра шестидесяти, всегда молчаливым и казался честным и порядочным человеком, совсем не похожим на того, кто может поднять руку на жену.

Через несколько лет после смерти второй жены Лу Ютянь женился снова. Но на свадьбе, перебрав с выпивкой, он из-за чего-то повздорил с гостями. Его новый фулан, боясь беды, попытался из комнаты его успокоить. Он не сказал ничего особенного, но Лу Ютянь вдруг взбесился, его глаза налились кровью, и он, как сумасшедший, ворвался в комнату, схватил гэ'эра за волосы и начал бить его головой о стену, бормоча проклятия: «Ты кто такой, чтобы указывать мне?», а затем обрушил на него град ударов. Все пытались его остановить, но не могли.

Не только женщины и фуланы, но и мужчины были в ужасе от его жестокости. Некоторые молодые девушки и гэ'эры от страха расплакались.

Только тогда все поняли, что внешность обманчива. Лу Ютянь оказался тираном. Неудивительно, что его предыдущие жёны либо топились, либо вешались. А они-то думали, что это ему не везёт.

Как говорится, худая жизнь лучше доброй смерти. До какого же отчаяния нужно довести человека, чтобы он решился на самоубийство.

Родственники гэ'эра в тот же день забрали его домой.

Все, кто был там, видели это, и поняли, что он за человек. Никто больше не хотел отдавать за

него своих дочерей или гэ'эров. Даже когда старики Лу обращались к свахам и предлагали большие деньги, те отказывались помогать.

Свахи хоть и любили приукрасить и преувеличить, но обычно это было в пределах разумного: «скромный клочок земли» превращался в «безбедное существование», а «невзрачная внешность» — в «миловидность». Если девушка умела варить только капусту, они говорили, что у неё есть «секретный рецепт». Но на такое откровенное зло они не шли.

Рот свахи — лживый бес. Жители деревни, вступая в брак, не верили всему, что им говорят. Если жених или невеста были издалека, проверить было трудно, но если из соседней деревни, родственники всегда наводили справки: какой у человека характер, трудолюбив ли он, как ладит со старшими.

Свахи боялись сватать за Лу. Если бы они это сделали, это было бы всё равно что толкнуть девушку или гэ'эра в огненную яму. Такое дело вредит и себе, и другим, так поступать нельзя. К тому же, если бы семья невесты всё разузнала, они бы пришли с разборками.

Тот из семьи Лу уже несколько десятков лет пил, здоровье у него было некрепкое, да и возраст уже немолодой. Он был худым и, стоя рядом с отцом Цзяном, выглядел скорее как его отец, а не ровесник! Лу Ютянь был похож на старика, одной ногой стоящего в могиле. Даже вдовы не хотели за него замуж. Поэтому, несмотря на дом и землю, он до сих пор был бобылём.

И эта женщина из семьи Линь неизвестно с какими намерениями пришла.

Чем больше отец Цзян думал об этом, тем сильнее злился. Он гонялся за тётушкой Линь с веником. Та бегала и кричала, прося его остановиться, но он не слушал. Получив несколько ударов, тётушка Линь тоже разозлилась.

— Цзян Ань, я сегодня с добрыми намерениями пришла сватать твоего гэ'эра, а ты, вместо того чтобы спасибо сказать, ещё и бьёшь меня! Что, тебе семья Лу не по нраву? Сам хромой, так ещё и других осуждаешь? Ай, не бей, ты, хромой чёрт!

Цзян Сяои не мог стерпеть таких слов. Он схватил палку и тоже принялся хлестать тётушку Линь.

Днём шёл дождь, и зерно убрали в спешке, не дочиста. После дождя дядя Цянь с миской в руках собирал рассыпанные зёрна во дворе. Их дома были не так уж далеко, но и не совсем рядом. Когда тётушка Линь говорила с Цзян Сяои в комнате, он ничего не слышал. Но когда она закричала во дворе, дядя Цянь всё понял. Он бросил зёрна и, выпрямившись, с гневом крикнул:

— Сяои, бей её! Бей эту бессердечную, бессовестную тварь!

Во дворе поднялся шум. Цзян Сяосань не понял, что происходит. Он бросил имбирь, утёр нос и подбежал к двери. Непонятно, как он это увидел, но, хотя тётушка Линь убегала от Цзян Сяои и отца Цзяна, ему показалось, что обижают его отца и брата. Он топнул ножкой, указал на тётушку Линь своими короткими ручками и, как тигрёнок, закричал:

— Опять моего старшего брата обижаешь? Ты у меня дождёшься!

Он хотел было повернуться и бежать к поленнице за палкой, но Цзян Сяоэр уже протянул ему одну. Тётушка Линь, увидев, что он вышел с поленом размером с его ногу, не решилась задерживаться и, бормоча проклятия, выбежала из двора.

— Доброту за зло принимают! Семью Лу им подавай! Посмотрим, кого твой гэ'эр себе найдёт, будет ли он лучше, чем из семьи Лу!

Услышав это, отец Цзян в ярости снял сандалию и швырнул в неё.

Тётушка Линь пробежала мимо дома дяди Цяня, и тот плюнул ей вслед.

— Бессовестная, — сказал он отцу Цзяну, стоя у забора. — Я ещё удивился, чего это она к тебе пошла. Оказывается, от семьи Лу пришла. Интересно, что они ей пообещали за такое дело.

Отец Цзян покраснел от гнева.

Сегодня шёл дождь, на поле было сыро, и семья Ли велела им вернуться. Он был рад, думал, проведёт время с детьми. Но, подойдя к воротам, он услышал слова тётушки Линь и тут же взорвался.

Цзян Сяои принёс ему табуретку, похлопал по спине.

— Отец, не сердись.

Цзян Сяосань подобрал сандалию, подбежал и поцеловал отца в щёку.

— Поцеловал, отец, не сердись больше.

Отец Цзян тяжело вздохнул и погладил его по голове.

— Хорошо, отец не сердится. А что наш Сяосань делал? Ручки такие холодные, в воде играл?

Цзян Сяосань замотал головой.

— Нет, нет, я помогал старшему брату мыть имбирь. Отец, я был послушным.

Отец Цзян улыбнулся и, обняв его, посмотрел на Цзян Сяои.

— Ты сегодня под дождь попал?

— Угу.

— Тогда скорее свари отвар, не простудись.

Бай Цзыму, прислушиваясь, понял, что ничего серьёзного не произошло и его вмешательство не требуется. Он снова закрыл глаза и занялся совершенствованием.

Когда он снова открыл глаза, на улице уже стемнело, но Цзян Сяои всё ещё не входил.

Бай Цзыму уставился на дверь. Там стояла тёмная фигура. Прошло почти полчаса, а Цзян Сяои всё стоял снаружи, не меняя позы, словно статуя, охраняющая вход.

Цзян Сяои думал о том, что Бай Цзыму сейчас в комнате, на его кровати, и ему становилось неловко.

Если бы Бай Цзыму был просто говорящим животным, это одно. Но теперь, зная, что он может превращаться в человека, спать вместе казалось ему неправильным.

Бай Цзыму, конечно, тоже это понимал. Но если он пойдёт спать к Цзян Сяоэру и Цзян Сяосаню, то не сможет совершенствоваться. А с отцом Цзяном... он боялся, что тот, проснувшись ночью и увидев медитирующего медвежонка, сойдёт с ума от страха.

Два дня назад, боясь, что Цзян Сяои снова полезет к нему, он хотел остаться на кухне на столе. Всё равно он теперь не спит, а медитирует, так какая разница где? Но Цзян Сяои не позволил. Тогда он сказал, что ему нравится на кухне. На что Цзян Сяои зловеще спросил, раз ему нравится на кухне, может, ему и в туалете понравится?

Это была явная угроза. Бай Цзыму понял, что если останется на кухне, Цзян Сяои тут же запрет его в туалете.

Поэтому он снова спал с Цзян Сяои.

Но одна ночь — это одно, а две...

Бай Цзыму подошёл к двери, приоткрыл её и тихо спросил, почему он не входит. Он не думал,

что Цзян Сяои стесняется, ведь тот уже трогал его за яйца. Этот гэ'эр был очень даже настойчивым.

Стоять всю ночь на улице — не вариант. Цзян Сяои, покраснев, смущённо вошёл в комнату.

Этой ночью он больше не обнимал Бай Цзыму. Он лёг, как положено, и даже отвернулся к стене, боясь на него посмотреть.

Обычно они немного болтали перед сном, а потом засыпали. Днём он уставал от работы. Сейчас он тоже устал, но сна не было ни в одном глазу. Затаив дыхание, он прислушивался к звукам сзади.

Бай Цзыму, кажется, пошевелился, сел, и больше звуков не было.

Пока он был на кухне, у него накопилось много вопросов. Он хотел спросить Бай Цзыму, почему тот, вернувшись домой, не остался человеком, а снова превратился в медведя. Но увидев, как Бай Цзыму, стоя на печи, готовит еду, он понял, что спрашивать не нужно.

Это был добрый бессмертный, который думает о других.

Ведь если бы в доме внезапно появился незнакомый мужчина, что бы сказал отец? А что — жители деревни? Как ни объясняй, всё было бы неловко. Даже если сказать, что это приехавший в гости родственник со стороны бабушки, всё равно. Отец целыми днями пропадает, а он, гэ'эр, остаётся дома один с двумя младшими братьями и незнакомым мужчиной — это неприлично.

Найдя этому разумное объяснение, Цзян Сяои столкнулся с новой тревогой.

А не уйдёт ли он?

Бай Цзыму смог днём в одиночку найти его в горах. Очевидно, ворота двора для него не преграда.

У него было так много вопросов, но при виде Бай Цзыму он не мог вымолвить ни слова.

Бай Цзыму, глядя на него, нахмурился. Сегодня Цзян Сяои вёл себя странно, даже не пытался к нему прикоснуться. Но он не стал об этом думать. Совершенствование было важнее, у него не было времени на всякие глупости.

Ночью снова пошёл дождь, сильный и резкий. Ветер завывал, и в доме слышалось капанье. Цзян Сяои встал и увидел, что крыша протекает. К счастью, капало только у двери, кровать осталась сухой. В соседней комнате всё было в порядке, а вот в главной комнате протекало

сильно. Цзян Сяои с отцом подставили миски, вытерли мокрые места и снова легли спать.

На следующий день небо было ясным.

У кого зерно было посажено раньше, оно уже созрело, и в деревне снова началась суета.

Жители деревни трудились круглый год, отдыхая лишь несколько дней на Новый год. В остальное время они были постоянно заняты: весенняя вспашка, посадка кукурузы, заготовка дров, посадка риса, прополка, борьба с вредителями — работа была всегда. Но самой напряжённой порой была жатва.

Сегодня, едва рассвело, над деревней уже вился дымок из труб. Самые трудолюбивые уже были в поле и сжали несколько рядов.

В это время взрослые и дети постарше уходили в поле. Младшие, которые не могли работать и только мешались бы дома, отправлялись играть в деревню.

Утром, едва прокричал петух у соседей, Цзян Сяои проснулся. Он был укрыт тонким одеялом. Он помнил, что вчера вечером, закончив дела и ложась спать, он из-за жары не стал укрываться, а сложил одеяло в ногах. Он не помнил, чтобы вставал и брал его.

Значит... это Бай Цзыму его укрыл.

Услышав, что он пошевелился, Бай Цзыму наклонился и, как ребёнка, ласково похлопал его по спине.

— На улице ещё темно, поспи ещё, — тихо сказал он.

Но Цзян Сяои уже не мог спать. Он и так был не до конца проснувшимся, но, услышав голос Бай Цзыму, остатки сна мгновенно улетучились.

<http://bllate.org/book/13701/1588684>